

Глава 11. О ПОЛЯРНЫХ ВЗГЛЯДАХ НА ПРИЧИНЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

Л. Е. Гринин

В первой части главы рассматриваются аргументы Б. Н. Миронова (2009б) и С. А. Нефедова (2009) в отношении двух основных вопросов дискуссии: динамики уровня жизни в дореволюционной России и причин русской революции. По мнению автора, Нефедов преувеличивает бедность и недопотребление у значительной части крестьянства, а Миронов преуменьшает их; последний не дал сколько-нибудь ясного ответа на вопрос о причинах Русской революции, и ошибается, фактически сводя их к совпадению роковых случайностей; Нефедов прав, что Русская революция имела под собой глубокие причины, но не прав в том, что главные причины революции сводились к балансированию населения на уровне физиологической нормы потребления. Во второй части статьи автор дает собственное объяснение причинам Русской революции, которые в целом можно определить как усиливающееся несоответствие социального и политического строя и господствующей идеологии быстрым социальным, экономическим и культурным изменениям в России, включая и подпитывающий их быстрый демографический рост. Для объяснения особенностей социального кризиса в России автор доказывает, что в России уже не было ситуации типичной мальтузианской ловушки, характерной для доиндустриальных сложных аграрно-ремесленных обществ. В ситуации быстрой модернизации, когда появляется фабричная промышленность и заметным слоем

³ За основу главы взята написанная в 2009 г. статья в рамках дискуссионного сборника «О причинах Русской революции». Глава несколько сокращена и в существенной мере конкретизирует ряд положений Главы 7 в настоящем сборнике «Российская революция в свете теории модернизации».

общества становится промышленный пролетариат, возникает уже новый тип ловушки: мальтузианско-марксова ловушка. В ней в отличие от мальтузианской ловушки проблема перенаселения является не фатальной, а скорее социальной, поскольку рост ВВП на душу населения не отстает или даже обгоняет рост населения. Однако быстрая динамика экономики и урбанизации требует существенных трансформаций в политическом строе, правовой системе и прочем, и если эти изменения существенно запаздывают, возникают диспропорции, которые и выступают как первичная причина революции.

1. Предварительные замечания

Так уже получается, что в процессе обсуждения участниками дискуссии двух противоположных точек зрения вместо двух появляется гораздо больше мнений. Данная глава не будет исключением, так как добавит еще одну точку зрения, хотя в известной степени ставит целью найти возможность совмещения позиций дискуссионтов.

Но прежде всего хотелось бы поблагодарить обоих исследователей за интересные, основательно фундированные и актуальные работы, за возможность глубже понять, в чем состоит специфика статистических данных по изучаемому вопросу, увидеть спектр мнений, высказываемых в историографии, сильные и слабые стороны разных позиций, источников и проблематику их интерпретации. Вслед за остальными участниками дискуссии вынужден признать, что без собственных глубоких исследований сделать вывод о предпочтительности или большей точности того или иного источника крайне сложно. С другой стороны, если задачу не удастся решить только с помощью обращения к статистике потребления, то нужны обращения к другим данным, в том числе и косвенным. В этом плане показатели антропометрических данных заслуживают всяческого внимания, хотя очевидно, что полностью полагаться на них было бы неправомерно. Но, возможно, еще большую значимость имеют общие тенденции развития страны. Крайне важно также обращение к аналогичным периодам в истории других стран (что показывает С. А. Нефедов [см.: Нефедов 2009; см. также: Нефедов 2005, 2007] и в некотором плане пытаюсь сделать и я).

Но в процессе привлечения таких косвенных данных или важных аналогий есть опасность чрезмерного давления теории. Собственно, в настоящей дискуссии, на мой взгляд, вполне проявляется эта тенденция, поскольку кажется, что над обоими дискуссионтами их теория довлеет в большей степени, чем было бы желательно,

она и определяет полярность в предпочтении тех или иных авторов и источников, приводит порой к неоправданным выводам и интерпретациям фактов, даже отрицанию вполне очевидных моментов. В частности, в целом представляется, что С. А. Нефедов преувеличивает бедность и недопотребление в значительной части крестьянства российских губерний, а Б. Н. Миронов преуменьшает их.

Поскольку в дискуссии затронуты очень сложные проблемы, а также специальные вопросы, комментарий в любом случае окажется неполным, однобоким и фрагментарным. В статьях обоих авторов рассматривается временной отрезок XIX – начала XX в. В своем комментарии я остановлюсь только на последних двух-трех десятилетиях, которые, на мой взгляд, являются наиболее важными для понимания причин русских революций.

2. В чем все-таки основной вопрос дискуссии?

В статьях С. А. Нефедова и Б. Н. Миронова обсуждается вопрос о том, понижался ли жизненный уровень и уровень потребления российских крестьян в XIX – начале XX в. вследствие роста малоземелья и недостаточной доходности крестьянского хозяйства под влиянием роста демографического давления. Несколько утрируя, отметим, что С. А. Нефедов считает наиболее ясным показателем уровня жизни среднестатистическое потребление калорий (прежде всего количества хлеба), Б. Н. Миронов, помимо этого, обосновывает другой комплексный показатель – средний рост и индекс массы тела. Несомненно, что эти показатели крайне важные. Однако потребление калорий (даже если мы имеем стопроцентно признанные данные, чего в настоящий момент нет) не является полным показателем уровня жизни, на что правильно указывает С. В. Цирель (2009). Он также подчеркивает, что совокупность условий, определяющих качество жизни, очень сложно оценить каким-либо одним показателем уровня жизни. Тем не менее, на мой взгляд, в этом плане крайне интересным показателем был бы валовой доход (или национальный доход) на душу населения и особенно его динамика (если она устойчиво росла, то даже при отсутствии роста потребления это свидетельствовало бы о росте уровня жизни, хотя и однобоком). Б. Н. Миронов (2009б) хотя и приводит данные о национальном доходе на душу населения на 1913 г., не предоставляет данных о динамике его роста. Но судя по целому ряду различных показателей роста тех или иных отраслей сельского хозяйства (см.,

например: Лященко 1956), его рост не только не отставал от роста населения, но даже обгонял его (см. также Табл. 1).

Табл. 1. Производство хлеба и картофеля на душу населения²

Периоды	Население, млн чел.	Чистый сбор хлебов и картофеля, млн четвертей	На одну душу населения приходится в четвертях чистого сбора	
			Зерновых хлебов	Картофеля
1864–1866 гг.	61,4	152,8	2,21	0,27
1883–1887 гг.	81,7	255,2	2,68	0,44
1900–1905 гг.	107,6	396,5	2,81	0,87

А рост промышленности и тем более существенно опережал рост населения; по некоторым, возможно, завышенным, данным, объем российской промышленности вырос в 4 раза с 1890 по 1913 гг. (Черкасов, Чернышевский 1994: 395), в результате чего постоянно росла доля промышленного производства в национальном доходе. Таким образом, общий рост национального дохода на душу населения имел место. А это значит, что и уровень жизни рос, хотя, повторю, однобоко и по-разному в отношении разных групп населения.

Следовательно, уровень жизни и уровень потребления хотя и тесно связанные (особенно в отношении крестьян) показатели, однако не синонимичные. Уровень доходов может расти, но уровень потребления оставаться тем же или даже несколько снижаться, если избыток доходов направляется на иные цели (скажем, на накопление или приобретение земли, орудий труда и т. п.). Но бесспорно, что крестьяне стали больше потреблять промышленных товаров, алкоголя, различного рода услуг (в том числе медицинских и образовательных)³.

С другой стороны, в отношении релевантности антропометрических данных и сам Б. Н. Миронов признает, что питание явля-

² Очень любопытно, что эта таблица приведена в работе В. И. Ленина (Ленин 1974: 214), согласно этим данным, рост чистых сборов намного опережал рост населения. Эти данные П. И. Лященко (1956: 69–70) комментирует так, что население росло в 2 раза медленнее, чем сбор всех хлебов и картофеля, а количество собираемого хлеба и картофеля на душу населения выросло на 48,4 %.

³ Для сравнения: потребление тканей на душу населения в 1913 г. составляло 13,4 м², в 1950 г. – 16,5 м²; в 1960 – 26,5 м² (то есть ушло не так далеко, хотя легкая промышленность в СССР довольно активно развивалась) (Июффе 1972: 225).

лось важным, но не единственным фактором, обуславливавшим состояние здоровья населения. Оно действовало в сложной взаимосвязи с другими факторами (Миронов 2002). Я думаю, что конкретно в отношении дореволюционной России они действительно служат показателем того, что питание населения хотя и было не слишком обильным, но в целом не только не падало до уровня физиологического выживания, а напротив, несколько улучшалось⁴. С учетом этого, а также статистических данных, приведенных Б. Н. Мироновым, его позиция в отношении уровня жизни российского населения выглядит более предпочтительной и более соответствующей общей экономической тенденции России как страны с быстро развивающейся промышленностью и растущим сельским хозяйством.

И все же если бы спор шел только о том, был ли более или менее удовлетворительным уровень потребления российских крестьян до революции и повышался он или нет, проблема оставалась бы достаточно узкоспециальной. Но проблема выглядит гораздо острее. Дело в том, что вопрос, которым С. А. Нефедов начинает свою статью: «Была ли русская революция начала XX в. случайностью или кризис был обусловлен долговременными экономическими процессами?», – это фактически центральный вопрос дискуссии. Он также вполне логично спрашивает, почему все же произошла революция, если, по мнению Б. Н. Миронова, уровень аграрного производства «в целом удовлетворял существовавшие в то время потребности в продовольствии» (Миронов 2008: 95).

Позицию С. А. Нефедова, что Русская революция была совсем не случайной, а имела под собой глубокие причины, я разделяю полностью. Но я не согласен с причинами, которые он считает главными. С. А. Нефедов дает на свой вопрос, по сути, вполне логичный, но почти фаталистический ответ: «Фактически демографический взрыв был приговором старой России: при существовав-

⁴ Однако в отношении универсальности использования такого рода данных (либо универсальности применяемых методик их интерпретации) заметно смущают выводы в отношении советского периода. Б. Н. Миронов говорит, что антропометрические данные показывают: с начала 1930-х гг. рост мужского населения повышался (Миронов 2009а), когда именно 1930-е и 1940-е гг. были необычайно тяжелыми в смысле потребления, голода, государственных и военных тягот (объяснение, данное автором, в отношении советского периода 30–50-х гг. не кажется достаточно убедительным).

шем распределении ресурсов страна не могла прокормить нарождающиеся новые поколения» (Нефедов 2009: 55). Таким образом, по его мнению, революция была неизбежна потому, что Россия находилась в состоянии сжимающейся мальтузианской ловушки⁵, выйти из которой она не могла, и это неизбежно рано или поздно должно было привести к катастрофе. Такой фатализм, вступающий в противоречие с мощной динамикой роста производства в стране, на мой взгляд, не может приниматься как безусловный. Далее я попытаюсь показать, что в этом подходе, на мой взгляд, является правильным, а что нет.

Б. Н. Миронов (2009б) не отвечает на вопросы о причинах Русской революции. Формально, конечно, его задача другая – показать, что в России уровень потребления был выше, чем считает С. А. Нефедов, и этот уровень постепенно, хотя и медленно, рос. Тем не менее, вопрос о причинах революции встает неизбежно: если все шло на подъем, в чем причина нарастающего недовольства в обществе, почему произошла революция, была ли революция только случайностью? И Б. Н. Миронов должен был бы дать на него ответ, хотя бы в своей ответной реплике Нефедову (Миронов 2009в) «Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить» (на мой взгляд, он не дал убедительного ответа на этот вопрос и в окончательном своем резюме по дискуссии). Я солидарен с С. В. Цирелем, который считает (см.: Цирель 2009), что ответ Б. Н. Миронова («Недостаток у двух последних императоров и общественности терпимости, мудрости и дальновидности привел к революции, погубившей в пучине многие достижения двухвековой модернизации»), высказанный им в другом произведении (Миронов 2003: 270), вряд ли что-либо объясняет⁶.

⁵ Далее везде даю этот термин без кавычек.

⁶ Фактически пока же приходится реконструировать позицию Б. Н. Миронова. В частности, как указывает П. В. Турчин (2009), Б. Н. Миронов в интервью журналу *Эксперт* (3 ноября 2008 г.) привлекает элементы теории модернизации для объяснения революции. Хотелось бы яснее понять, какие именно элементы этой теории. За себя и за Миронова гораздо более развернутый ответ дал М. А. Давыдов (2009). Но и его положения все же в основном сводятся к роковым и крайне неудачно для России совпавшим случайностям. Отрицать такое совпадение не приходится, но закономерное нарастание революционных настроений в течение десятилетий показывает, что глубинные причины революции не были случайными.

Таким образом, вопрос, почему на фоне такого, казалось бы, в целом благоприятного экономического развития в течение по крайней мере двух десятилетий нарастало общественное недовольство властью и фактически шла конфронтация всех слоев с верхами, крестьянства с землевладельцами, рабочих с хозяевами и т. п., является центральным вопросом дискуссии, что и подтвердили комментарии других ее участников. Давно обсуждается, не была ли в конечном счете революция случайностью, вызванной войной. На мой взгляд, нет, хотя доля случайности в столь успешной и быстрой февральской революции была, известная доля случая была и в захвате власти большевиками. Но нет никакого сомнения, что Россия и без войны стояла на пороге революции. Представляется интересным посмотреть, каким образом рост производства и даже потребления мог теоретически и фактически сочетаться с ростом общественной напряженности?

К этому мы вернемся чуть позже, а сейчас я хотел бы дополнительно привести несколько аргументов и цифр в пользу тезиса о росте потребления в предреволюционной России, а также рассмотреть вопрос о значении русского экспорта.

3. По поводу уровня жизни, роста производства некоторых продуктов и экспорта

Ниже я вернусь к вопросу о том, была ли Россия в абсолютном мальтузианском кризисе и мальтузианской ловушке. Однако сразу же надо заметить: если под мальтузианским кризисом понимается абсолютное ухудшение рациона крестьянства, постепенное уменьшение средней нормы потребления в связи с ростом населения и отставанием от него роста производства, то такой ситуации в России не было, хотя заметные элементы недопотребления у значительной части населения, безусловно, имели место. Но в целом, как говорилось выше, рост производства вообще и производства продуктов питания в частности обгонял рост населения.

Поскольку в России был и быстро развивался внутренний рынок (и быстро рос оборот рынка внешнего), росли города и была достаточно высокая внутренняя миграция, даже те потребляющие губернии, где производство хлеба и картофеля оказывалось недостаточным, не были в положении абсолютной мальтузианской ловушки, так как могли производить иную высокотоварную сельхозпродукцию (например, лен) и соответственно приобретать про-

довольствие. Об этом не стоило бы и говорить, если бы уровень потребления не измерялся С. А. Нефедовым строго в натуральных величинах. Но период натурального хозяйства давно прошел, уже в начале XX в. земледелие давало крестьянам менее половины дохода, промыслы (по разным оценкам) – 22–28 %, доходы от скотоводства, огородничества, пчеловодства, рыболовства, собирательства, общинной собственности по бюджетным данным – 22 % (эти данные приводит Б. Н. Миронов [2009б]; см. также его данные о доле денежных доходов в общем доходе крестьян). К 1913 г. ситуация, возможно, еще более изменилась в пользу несельскохозяйственных занятий. Таким образом, рост товарности и промышленности позволял диверсифицировать доходы крестьянства, что вело к определенному росту потребления (по крайней мере, в среднем). О росте товарности можно судить по Табл. 3. При этом рост цен на продукты питания, особенно в последний период (с 1909 по 1913 г.), был значительным, рост товарности аграрного производства опережал рост населения, это означает, что имелись стимулы и резервы для увеличения внутреннего производства.

Конечно, рацион крестьян часто был скудным и не особенно разнообразным, весной продовольствия во многих семьях не хватало, в периоды недородов питание было и вовсе неважным, но в целом оно находилось выше физиологической нормы. При недостаточной достоверности статистических данных (с учетом того, что главные аргументы вращаются вокруг цифры 10–15 % в ту или иную сторону от объемов душевого потребления) крайне важно установить динамику роста производства и потребления продовольствия. Представляется, что в целом она была повышательной. Хотя хлеб и картофель составляли основу питания россиян до революции, однако кажется, есть основания считать, что шел рост потребления некоторых других продуктов, что, вполне возможно, вело к уменьшению хлеба и картофеля в рационе россиян, по крайней мере в среднестатистическом выражении⁷. Такая тенденция была общеевропейской, хотя в России проявлялась слабее. В этой связи приведу данные по двум довольно показательным продуктам, которые реально активно внедрялись в питание россиян, – сахару и растительному маслу. Производство сахара выросло с 38,8 млн пу-

⁷ Конечно, многие продукты потреблялись прежде всего в городах, но надо учитывать, что огромное число сельчан постоянно или временно жило в городах, крестьяне все чаще в праздники посещали города и тратили там деньги.

дов в 1897 г. до 92,37 млн пудов в 1913 г., то есть в 2,4 раза (Брокгауз, Ефрон 1991: 237; Ляшенко 1956: 412–143; Иоффе 1972: 173). Производство растительного масла выросло с 3 млн (48 тыс. т) в 1893 г. до примерно 33,6 млн пудов, или 538 тыс. т, в 1913 г. (Брокгауз, Ефрон 1991: 239; Иоффе 1972: 172), то есть более чем в 10 раз. Разумеется, рос и экспорт продовольствия (см. Табл. 3), но в целом абсолютный прирост, остающийся в стране, по-видимому, существенно превышал рост населения⁸. С 1901 по 1912 гг. питейные доходы казны возросли примерно в 2 раза, при этом с сельского населения – также в два раза⁹. Все это позволяет согласиться с Б. Н. Мироновым, что наблюдался некоторый рост доходов крестьян (и населения в целом¹⁰), а также, видимо, можно считать, что несколько увеличилось и среднее потребление продовольствия в пересчете на килокалории. В целом все это говорит о том, что имел место пусть и медленный, но рост потребления.

Б. Н. Миронов совершенно правильно отмечает, что в условиях отсутствия необходимой статистики относительно потребления необходимо обращаться к косвенным источникам. Одним из таких косвенных, но важных источников, на мой взгляд, является русская литература, совершенно никак не затрагиваемая в статьях оппонентов. Хотя русская литература выступает как одна из самых реалистичных в мире, проблемы недоедания, голода никогда не выступали в ней в качестве ведущих. И это, как мне думается, косвенно подтверждает, что уровень потребления – более высокий, чем физиологическая норма. Это полностью относится и к произведениям о крестьянах конца XIX – начала XX в. Возьмите произведения Л. Н. Толстого о них или более позднюю «Деревню» И. А. Бунина, или «Мужиков» А. П. Чехова, или рассказы В. Г. Короленко, или даже произведения просоциалистического М. Горького (хотя бы его трилогию, особенно «Мои университеты»), – нигде проблема недоедания и тем более голода не является ведущей (если вообще присутствует). Главные темы: разрушение моральных, особенно

⁸ Отмечу, что помимо экспорта существовал и продовольственный импорт, например риса, хотя, конечно, и намного меньший, чем экспорт продовольствия.

⁹ Согласно данным из первой статьи Б. Н. Миронова, питейный доход вырос с 1901 г. по 1912 г. с 476,3 млн р. до 953 млн р., в том числе с сельского населения – со 143,9 млн р. до 256,3 млн р.

¹⁰ Об этом свидетельствуют и другие показатели: рост вкладов в сберкассах, реальных зарплат рабочих, товарооборота и т. п. За 20 лет (с 1894 по 1913 г.) вклады в сберкассах выросли в 7 раз – с 300 млн р. до 2 млрд р. (Измествьев 1990: 77).

семейных, норм из-за стремления к богатству, мироедство, расслоение, пьянство, дикость нравов, бездуховность; отдельная важнейшая тема – малоземелье («куренка некуда выпустить»). «Деревня насквозь беда», – говорит один из героев Горького, но не потому, что там голод, а потому, что там пьют, дерутся, нет смысла жизни, темнота, невежество и прочее. Можно также указать, что проблема голода не является ведущей и в рассказах М. Горького о его бродяжничестве по Руси и о русских бродягах того времени, которые почти всегда могли найти себе работу. Является главной тема недоедания, например, в знаменитой пьесе «На дне»? Нет. О чем рассуждают опустившиеся люди – разве о хлебе? Нет, о смысле жизни: «Человек – это звучит гордо!» В русской литературе во многих произведениях описываются богомольцы, которым везде подают (пройдите в голодной стране тысячи верст до Киева, побираясь!). А вот малоземелье, повторю, действительно одна из главных тем литературы¹¹.

Поэтому следовало бы разделить две стороны проблемы, которые у С. А. Нефедова являются практически синонимичными: малоземелье и балансирование на грани физиологического выживания. Малоземелье, причем постоянно усиливающееся, – да. Но балансирования на грани голодного физиологического выживания, как описывает С. А. Нефедов, или не было, или оно постепенно ослабевало, хотя было немало «голодных» районов. В деревне

¹¹ У Л. Н. Толстого есть ряд публицистических работ, посвященных проблеме голода в деревне, в частности: «О голоде» и «Голод или не голод?» (см.: Толстой 1984), написанные соответственно в 1891 и 1898 гг. по поводу бедствий, связанных с неурожаями и недородами. В них, особенно в последней работе, Толстой подчеркивает значительное недоедание крестьян центра в течение двадцати лет, то есть с конца 1870-х гг. (Там же: 183). Но в то же время он подчеркивает – а это важно для целей настоящей работы – что питание горожан было существенно лучше (Толстой 1984: 183, 185). Но важно отметить, что в дальнейшем тема голода не фигурирует активно в публицистическом творчестве Л. Н. Толстого, во всяком случае, мне такие работы неизвестны. На мой взгляд, это подтверждает (или, по крайней мере, не опровергает) то, что динамика развития шла в сторону медленного улучшения положения с питанием. В этой же статье, кстати говоря, Толстой утверждает следующее: «Молодые люди черноземной полосы последние 20 лет все меньше и меньше удовлетворяют требованиям хорошего сложения для воинской службы; всеобщая же перепись показала, что прирост населения, 20 лет назад бывши самым большим в земледельческой полосе, все уменьшаясь и уменьшаясь, дошел до нуля в этих губерниях» (Там же: 183–184). Это высказывание важно в том плане, что оно одинаково противоречит идеям как Миронова, так и Нефедова, хотя мне трудно судить, насколько можно считать верными данные Л. Н. Толстого.

могли убить за землю (или за коня-кормильца), но не за хлеб! Мечта хозяйственных крестьян – прикупить (арендовать) землю. Малоземелье и тяжелые условия аренды земли (действительно полукрепостнической) – вот главные проблемы хозяйственных крестьян¹². Характерно, что захват земли помещиков, а нередко и семян для ее засева, был одним из наиболее распространенных форм крестьянских волнений до революции.

Отметим также, что поскольку крестьяне платили не земельные налоги¹³, а деньги можно было заработать как в деревне, так и в городе, продавать хлеб бедным крестьянам особой нужды не было (см. Табл. 2), что одновременно как способствовало росту уровня потребления бедняков, так и понижало его, поскольку с отсутствием потребности продавать значительное количество хлеба исчезала и внешняя необходимость у многих бедняков стремиться к росту производства¹⁴. Это могло усиливать диспропорции в уровне доходов, расслоение же в русской деревне (хотя это вопрос

¹² Что касается бедных крестьян, то достаточно часто нехватка у них продовольствия заключалась не в физической невозможности его произвести или заработать себе на хлеб, а в неумении хозяйничать, лени, апатии, пьянстве, порой в неудачно сложившихся обстоятельствах. По мнению Л. Н. Толстого (см. сноску выше), это связано с упадком морального духа крестьян черноземного центра. Расслоение крестьян на бедняков и хозяйственных, как известно, происходило и в первый период советской власти, в 1920-е гг., когда уже не было ни помещиков, ни экспорта хлеба в таком объеме. В романе М. А. Шолохова *Поднятая целина* очень хорошо показано, как некоторые крестьяне относились к своему хозяйству и к накоплению. К слову сказать, даже в догосударственных и раннегосударственных обществах проблемы бедности (при достатке земли и полной возможности прокормить себя) актуально существовали. М. Д. Салинз в своей знаменитой книге *Экономика каменного века* (Sahlins 1972; Салинз 1999) подробно описывает, что и эти протокрестьяне делились на хозяйственных и ленивых (в частности, он говорит об Океании), у последних часто не хватало пищи, и они, пользуясь тем, что родовые обычаи гостеприимства были сильны в этих социумах, активно посещали своих более богатых родственников, кормились там и получали подарки. Естественно, что такая ситуация сказывалась на социальном статусе, но она показывает, что помимо социальных причин бедности практически всегда действуют и психобиологические.

¹³ Хотя, возможно, все же их тяжесть несколько занижается Б. Н. Мироновым. Представляется также, что он не совсем правомерно считает, что выкупные платежи не надо относить к налогам. Даже если формально это были иные платежи, то фактически народ их, в принципе, так и рассматривал, и они были, по сути, принудительными: формально можно было отказаться, но фактически, конечно, крестьянам некуда было деваться.

¹⁴ Ситуация, когда крестьяне предпочитали все потреблять сами и мало продавать, наблюдалась при нэпе, в результате рост производства хлеба замедлился, что, собственно, и явилось одной из причин коллективизации.

дискуссионный) было достаточно сильным, что видно даже из Табл. 2. Производство товарного хлеба было сосредоточено главным образом в руках крепких крестьян (кулаков) и в меньшей степени – в руках помещиков, что видно из Табл. 2. С учетом того, что цены на хлеб обгоняли остальные цены, их рост был выгоден крестьянству в целом, но прежде всего, конечно, зажиточным крестьянам. Это было одной из главных причин постоянного роста цен на землю (наряду с демографическим давлением)¹⁵. Средняки и бедняки поставляли только 28,4 % хлеба, притом что бедняки из них поставляли меньшую часть.

Табл. 2. Валовая и товарная продукция хлеба до Первой мировой войны (по: Лященко 1956: 412–413)

	Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		% товарности
	млн пудов	%	млн пудов	%	
Помещики.....	600	12,0	281,6	21,6	47,0
Кулаки.....	1 900	38,0	650,0	50,0	34,0
Средняки и бедняки	2 500	50,0	369,0	28,4	14,7
Итого.....	5 000	100	1 300,6	100	26,0

С. А. Нефедов говорит о российском экспорте как о «голодном», по сути, как о чистом вычете из питания крестьян. Думается, что это неправомерно. Стоит рассмотреть этот вопрос в разных аспектах. Думается, что рост экспорта не вредил в целом росту потребления, а напротив, стимулировал его. Ситуация с экспортом была такова, что высокие цены на хлеб дополнительно стимулировали рост его производства¹⁶. Без роста экспорта цены на хлеб внутри страны неизбежно были бы ниже, что не стимулировало бы производства хлеба, в результате производство и соответственно

¹⁵ Аналогичная ситуация складывалась в Англии в XVI–XVII вв., где цены как на землю, так и на ее аренду росли очень быстро, но спрос со стороны крупных фермеров и зажиточных крестьян (иоменов) не сокращался (Дмитриева 1990; Тревельян 1959).

¹⁶ По поводу положительного влияния высоких цен на рост сельскохозяйственного производства и возможности выйти из мальтузианского кризиса/ловушки см.: Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин, Коротаев 2009б; Гринин, Малков, Гусев, Коротаев 2009.

потребление его внутри страны могли бы быть даже ниже, чем при экспорте. Но не менее важно, что экспорт давал стране возможность ввозить капитал, делать внутренние займы (что, кстати, ослабляло налоговое давление на население и фактически частично вело к повышению потребления за счет заемных средств – этого не было бы при слабом рубле, а без экспорта хлеба рубль был бы слабым). Ввоз капитала и машин вел к росту рабочих мест, что позволяло тем же крестьянам зарабатывать больше и потреблять больше.

В целом рост экспорта и товарности вел, с одной стороны, к повышению сельскохозяйственного производства и потребления, но с другой стороны, к повышению разрыва в доходах между разными слоями крестьянства. В результате социальное напряжение в обществе могло даже нарастать.

Табл. 3. Рост товарности и экспорта (по: Лященко 1956: 278–279). Рост железнодорожных перевозок (как показатель общей товарности сельскохозяйственных продуктов) и рост экспорта в 1911–1913 гг. по сравнению с 1901–1905 гг., по исчислениям П. И. Лященко (Там же), характеризуются следующими относительными цифрами (1901–1905 гг. = 100)

Наименование продукта	Рост перевозок	Рост экспорта
Зерновых хлебов.....	122	107
Свекловицы.....	246	98
Картофеля.....	161	365
Сахара.....	159	207
Спирта.....	160	409
Льна и конопли.....	131	131
Табака.....	136	1936
Мяса.....	1119 ¹⁷	207
Яиц.....	141	139
Молочных продуктов вообще.....	212	205
Масла.....	159	200
Птицы битой.....	150	153

¹⁷ Я не совсем уверен в цифре, которую приводит Лященко по товарности мяса, но если она правильная, то рост перевозок мяса в 11 раз за 10–15 лет впечатляет и вовсе не говорит о том, что население балансировало на грани физиологической нормы потребления.

4. Был ли социальный кризис в России?

Итак, каким образом сочетались экономический рост и определенный рост уровня жизни и нарастание революционных настроений?

Прежде всего отметим, что рост революционных и оппозиционных настроений далеко не всегда проистекает именно от того, что уровень жизни снизился до предела, до физического выживания. Напротив, нередко такого рода вещи вели просто к вымиранию населения (его «разбеганию», деградации и т. п.) без ярких или масштабных общественных проявлений (что может быть связано с неспособностью людей к такого рода сопротивлению, отсутствием у них необходимых организационных форм, физическим ослаблением населения и т. п.) Голод начала 1930-х гг. (Голодомор), как известно, не вызвал сильных волнений – народ просто умирал. Сокращение населения в России в XVI в. при Иване Грозном, связанное с разорением, войной и опричниной, не вызвало таких волнений. Но в иных условиях подобного рода вещи вызывают ожесточенное сопротивление (как было в 1920–1921 гг. в России).

Однако почему, собственно, революция должна быть обязательно вызвана только существованием на грани физиологической нормы потребления? На самом деле, как это ни парадоксально, часто революции происходят именно в период некоторого повышения уровня жизни населения, после которого неожиданное временное ухудшение на фоне устойчивого недовольства властью (причем и со стороны высших слоев тоже) вызывает всеобщее возмущение и социальный взрыв. По сути, это доказал еще Алексис де Токвиль, исследуя «старый», то есть дореволюционный (до 1789 г.), порядок во Франции (Токвиль 1997). Такого рода волнения могут быть связаны с нарастанием острых (но все же не уровня вопроса жизни и смерти людей) проблем. Именно неспособность властей решить эти проблемы в условиях, когда все решения завязаны именно на власти, могут вызвать к ней постоянное негативное отношение, а в определенный момент вызвать взрыв. Иногда просто возникает ситуация, когда руководство надоедает населению, но само уже неспособно к защите своей власти. Так произошло и в феврале 1917 г. Таков был и конец СССР. При этом мы считали, что в период М. С. Горбачева жизнь стала совершенно невыносимой, а власть надо немедленно сменить. Но оказалось, что жизнь может быть существенно хуже вроде бы «невыносимой» жизни.

Сказанное, однако, ни в коей мере не позволяет полностью согласиться с Б. Н. Мироновым, который, по его же словам, «в последние десять лет в ряде статей и в книге *Социальная история России* доказывал, что в XIX – начале XX в. не было ни перманентного социально-экономического кризиса, ни обнищания населения» (см. выше первую статью Б. Н. Миронова в настоящем выпуске Альманаха [с. 67] со ссылкой на: Миронов 2003: 344–350). В этом высказывании необходимо строго разделить некоторые моменты. Да, я согласен, что перманентного обнищания населения не было (хотя его очень большая часть жила весьма и весьма скудно); в принципе, можно считать, что не было экономического кризиса (если не брать во внимание ситуацию конца 1916 г.). Но как можно говорить всерьез о том, что не было социального кризиса, когда Россию сотрясали революции, крестьянские волнения, кровавые рабочие забастовки и беспорядки? Такое заявление выглядит довольно странным. Даже если Б. Н. Миронов считает, что революции в России были случайностью (его позиция по этому вопросу не была высказана однозначно), то и тогда социальный кризис все равно имел место. Без социального кризиса невозможны длительное и успешное существование подполья, политический террор, захваты помещичьих земель, упорное голосование за радикальные партии и т. п. В целом же, как сказано выше, по-видимому, и без мировой войны в России произошла бы новая революция, поскольку власть не пыталась провести глубокие социально-экономические преобразования¹⁸, а напряженность нарастала¹⁹. Уже в 1914 г. эта напряженность поднялась до весьма высокого уровня и дошла до баррикад. Иное дело, чем закончилась бы эта предполагаемая

¹⁸ По мнению многих исследователей, после смерти Столыпина крестьянская реформа окончательно заглохла. В качестве доказательства обычно приводят данные МВД по выходу крестьянских хозяйств на отруба и хутора. Однако рядом исследователей этот вывод оспаривается, т. к. они ссылаются на огромный размах землеустроительных работ и активно проводившиеся размежевания земель в 1910–1916 гг. (см., например: Тюкавкин 2001; см. также: Кривошеин 1993; ряд данных приведен и у М. А. Давыдова [2009]). Однако не совсем ясно, насколько такое размежевание, касавшееся в основном, по-видимому, общин, можно считать реформой, ведущей к росту частной земельной собственности.

¹⁹ Это не отменяет мысли о том, что теоретически революции можно было избежать либо при других действиях правительства, либо при ином правительстве.

революция. Можно предположить, что, скорее всего, даже если бы она победила, не большевики пришли бы к власти. Вот приход большевиков к власти в гораздо большей степени был обусловлен особым стечением обстоятельств (в том числе вооруженным народом и надоевшей войной).

Сама же революция определялась вовсе не случайными, а глубинными причинами, которые мы далее и рассмотрим.

5. Демографическое давление и причины Русской революции

Причины Русской революции многообразны, их следует анализировать в разных аспектах. Но в целом их можно определить как усиливающееся несоответствие социального и политического строя и господствующей идеологии (возвышающей наиболее влиятельную элиту) быстрым социальным, экономическим и культурным изменениям в стране, включая и подпитывающий их быстрый демографический рост. Другими словами, российское государство и общество стали испытывать большие перегрузки, вызванные модернизацией, к которым их конструкция и идеология не были готовы. Только своевременные и глубокие перемены в государственном строе и обществе могли бы изменить ситуацию. Но поскольку они запаздывали, в связи с резким ускорением темпа развития в обществе возникли серьезные деформации. На этом фоне все слабости режима резко обострились быстрым демографическим ростом, который действительно стал постоянным источником напряженности. И все же, повторю, не недоедание было решающей причиной революции.

Прежде всего надо отметить, что первичный и наиболее организованный источник революционного напряжения был в городах. Между тем в городах питание было однозначно лучше, чем в деревне. Это лишний раз доказывает, что первичной причиной революции 1905 г., противостояния в столице в июле 1914 г., да и по большому счету февральской революции 1917 г.²⁰ было не физио-

²⁰ Если не считать проблему перебоев со снабжением в городах во время войны. С одной стороны, возникновение массовых волнений в феврале 1917 г. доказывает, что русские города снабжались всегда хорошо, горожане никогда не испыты-

логическое недопотребление, а иные социальные проблемы, включая, конечно, и проблемы контрэлиты (см.: Турчин 2009)²¹. Ибо ес-

тывали трудностей с продовольствием, вот почему перебои со снабжением стали столь мощным катализатором роста недовольства. С другой стороны, февральская революция произошла в условиях войны, которая стала очень непопулярной, в условиях полного падения престижа царской власти. Никакие перебои с хлебом в других условиях (в условиях военных побед, уважения к царской семье, неразложившейся армии и т. п.) никогда не вызвали бы подобного развития событий. Это был бы просто эпизод народного недовольства, каким его изначально и считали.

²¹ С некоторыми выводами Турчина можно согласиться, в частности с тем, что в России не было понижения жизненного уровня населения, что оскудение дворянства играло определенную роль. Однако согласиться с его идеями о перепроизводстве элиты в России как главной причины русской революции не представляется возможным. Бесспорно, в России каждый грамотный человек на что-то претендовал, и стремление к государственной службе было велико (в том числе это было одним из мотивов вовлечения в революционную деятельность российского еврейства, отстраненного от службы; хотя можно ли назвать евреев контрэлитой? Все-таки вряд ли). Но отметим, что в России катастрофически не хватало образованных людей, так что в большинстве случаев человек мог вполне прилично себя содержать. Быстро растущие города, банки и промышленность открывали блестящие перспективы сотням тысяч российских интеллигентов, которые, кстати сказать, на частной службе получали гораздо больше жалованья, чем на государственной. Любопытно, что процент дворян среди российского офицерства и даже генералитета постоянно падал (что стало одной из причин ненадежности армии), это свидетельствует о том, что российские дворяне больше не рвались в армию. Отметим также, что множество оппозиционных деятелей получили блестящие высокооплачиваемые посты, в частности в Думе, различных комитетах, но это не уменьшало их стремления к изменению строя согласно их идеологии. Думаю, что между стремлением прилично устроиться в рамках существующего строя и маниакальным стремлением свергнуть этот строй и установить справедливый порядок существует большая разница; первая характеризует контрэлиту, а вторая – революционный настрой, проистекающий от состояния не столько материальной неудовлетворенности, сколько духовной. Иными словами, российские интеллигенты и революционеры искали не возможности больше зарабатывать (хотя они этим вовсе не брезговали, но считали это достаточно низким мотивом), а правды жизни, высшей справедливости; они не столько желали служить, сколько вершить судьбы страны. Я не думаю, что это хорошо вписывается в структурно-демографическую теорию, скорее, это именно общее (хотя и ложное) ощущение устарелости строя, его неадекватности, связанное с модернизацией (роль которой П. В. Турчин как раз неправомерно отрицает), приходом на общественную арену новых слоев, новых классов. И опять же – российский пролетариат и частично мелкая буржуазия были основной революционной силой. Между тем структурно-демографическая теория вовсе никак не объясняет этот феномен. Мы также не видим никаких требований обнищавшего дворянства к наделению его землей или какие-то

ли человек голоден, для него самое важное – быть сытым. Однако, приходя в город, зарабатывая достаточно, чтобы быть сытым (и даже пьяным), пользуясь благами городской цивилизации, почему россияне не успокаивались? Как видно, причины недовольства были глубже недоедания.

Важнейшая проблема России состояла в том, что в ней сложилась очень сильная диспропорция между уровнем жизни, доходами (а также и потреблением) разных слоев и страт населения (традиционная диспропорция между старыми и новыми господами, с одной стороны, и народом – с другой; между крестьянами богатыми и бедными). При этом очень значительная часть населения оказалась в ситуации, когда положение относительно (в гораздо меньшей степени абсолютно) ухудшалось по сравнению с положением других слоев. Рост общего богатства страны не вел к его достаточно равномерному распределению, чтобы преимущества трансформации могли почувствовать все слои населения, а отсталость социально-политического режима не позволяла произвести или довести до конца необходимые реформы и модификации²². Социальная политика если и не отсутствовала вовсе, то была весьма слабой, в лучшем случае сводилась к помощи голодающим районам в случае недородов.

Если рассматривать вопрос в аспекте социальной психологии, то главный источник недовольства в дореволюционной России (так сказать, на уровне самых общих причин первого порядка) проистекал из того, что жизнь сильно изменилась и постоянно менялась (где-то в лучшую, а где-то – в худшую сторону). В результате произошла и социально-психологическая переоценка социального порядка. То, что раньше казалось естественным и неизбежным, теперь стало казаться невыносимым. С одной стороны, социальная

иные специфические требования обделенных элит. Вряд ли и П. В. Турчин укажет такие специфические элитарные требования в период русской революции. А раз нет специфических требований, нет и смысла говорить о контрэлите как о чем-то самом главном. А вот лозунги рабочих и крестьян были вполне классовыми и вполне осязаемыми, что говорит в пользу ведущей роли модернизации в сочетании с демографическим давлением (что я, собственно, и пытаюсь далее доказать).

²² Общеизвестно, насколько наличие общины усугубляло демографическую и экономическую ситуацию в основных районах страны, более раннее изменение общинного строя могло бы привести к лучшим результатам.

ситуация уже не удовлетворяла изменившееся под влиянием огромных перемен мировоззрение людей (ставших значительно грамотнее). С другой стороны, социальная психология не успевала приспособиться к изменениям, понять действительные (а не кажущиеся) причины трудностей, правильно оценить изменения. Поэтому большинство населения (то есть крестьяне) не хотели мириться с сильным социальным расслоением внутри общины, несправедливостью, возросшей ролью денег, новой моралью, не хотели ломать привычного уклада, в то же время быстро усваивая привычки более зажиточного образа жизни. Последнее особенно касалось фабричных рабочих (которых многие русские писатели и общественные деятели считали просто развращенными мужиками и бабами). Они не были, конечно, зажиточными, но и отнюдь не голодали, даже праздновали каждое воскресенье (и не питались по карточкам, как их потомки в советское время)²³. Среди рабочих, тем более среди квалифицированных, было много хорошо зарабатывающих людей. И все же именно рабочие (и даже служащие, которые уж тем более жили лучше крестьян) оказались ударным отрядом революции. С другой стороны, ни государство, ни элита не оказались готовыми к быстрым изменениям, и они вовсе не желали перемен, отвечающих насущному моменту, поэтому и дали мало людей, способных переломить ситуацию. Россия стала сложной по социальному составу страной, а власть по-прежнему рассматривала ее строй, говоря словами историка С. М. Соловьева, как общество, состоящее из двух слоев: мужей и мужиков (в частности, считая такими и городских рабочих).

Однако какую роль играло в русской революции аграрное перенаселение и вызванное им малоземелье в русской революции? Бесспорно, огромную. Поскольку именно постоянный рост малоземелья, связанный с мощнейшим демографическим давлением и общинным землевладением, не позволял быстрее внедрять новые формы хозяйствования и усиливал экологический кризис, создавая

²³ Если вернуться к примерам из русской литературы, то можно вспомнить, например, знаменитый роман А. М. Горького «Мать», где рабочие вовсе не показаны как голодающие; произведения А. И. Куприна «Молох» и «Юзовский завод», в которых описываются тяжелые, античеловеческие, нездоровые условия работы, но не голодающие рабочие и т. п. Можно также сослаться на некоторые произведения К. М. Станюковича, А. С. Серафимовича и др.

постоянное напряжение в обществе, и придал русской революции те размах, глубину и упорство, которые и привели страну к катастрофе. Однако опыт истории (в том числе и СССР) показывает: само по себе крестьянство не способно совершить революцию и обычно даже не способно дать запал революции. Без «городского» запала революции не будет, власть, скорее всего, удержится. Кроме того, крестьянство как таковое не стремится свергнуть власть, захватить ее, это идея городской интеллигентской экстремистской части, крестьянство стремится к переделу земли, и потому его можно успокоить (см. ниже мнение П. А. Сорокина по этому поводу). Поэтому, повторим, революции в России были в первую очередь городскими, крестьянство вступало в борьбу позже и во многом под влиянием агитации из города (имея в то же время свою собственную идею и основу для недовольства)²⁴. Иными словами, малоземелье и демографическое давление не были решающими причинами в смысле возникновения революции, но их можно считать решающими в отношении придания ей огромного размаха и разрушительной силы, позволившей уничтожить целый ряд важнейших институтов общества.

Все это позволяет сделать вывод, что в России не было типичного классического мальтузианского структурно-демографического кризиса, характерного для позднеаграрных стран с государством, которое можно было бы определить как развитое. В России были уже крупная промышленность и зрелое государство²⁵. Структурно-демографическая теория, вопреки тому, что говорит П. В. Турчин, не объясняет в достаточной мере этих ситуаций²⁶. А в этой си-

²⁴ Отметим, кстати, что и большевики долго рассматривали крестьян как инертную или реакционную массу.

²⁵ Согласно моей типологии эволюции государственности можно выделить: раннее; развитое; зрелое государство (см.: Гринин 2007а, 2007б). Последний тип (в своих оформившихся чертах) относится только к странам, в которых уже началась индустриализация.

²⁶ Структурно-демографическая теория в ряде существенных моментов опирается на идеи Дж. Голдстоуна (см., например: Нефедов 2005). Сам Голдстоун строил свою теорию на базе социально-политических кризисов XVII в. (Goldstone 1988, 1991) в странах, которые, по моей терминологии, относились к развитым, но не зрелым государствам. Структурно-демографическая теория в гораздо меньшей степени приложима к зрелым индустриализующимся государствам. Но даже и к ряду развитых государств, в том числе Англии XVII и Османской империи

туации, как мы видели, демографическое давление играет очень важную, но не решающую в возникновении революции роль. По сути, это давление не может даже создать глубокий социальный кризис, а может быть только его фоном или придать ему общенациональный размах и особую глубину. Вот почему в России в начале XX в. уже не было типичной мальтузианской ловушки. В России сложился особый вид кризиса, характерный для индустриализующихся стран с сильными пережитками феодализма, который я мог бы назвать мальтузианско-марксовой ловушкой, о чем и идет речь далее.

6. Что такое мальтузианско-марксова ловушка и была ли она в России?

В статье «Российская революция в свете теории модернизации» (в этом сборнике) мы дали определение мальтузианской ловушки. Напомним, что мальтузианская ловушка предполагает ситуацию, когда общество не может технологически разрешить проблему повышения продуктивности сельского хозяйства так, чтобы она росла быстрее населения; не имеется системы (либо она очень ограничена и неустойчива) такого международного разделения труда, при котором бы ряд государств мог сосредоточиться на производстве промышленной продукции, обеспечить этим более быстрый рост ВВП по сравнению с ростом населения, ввозя недостающее продовольствие. Очевидно, что в России до 1917 г. ситуация была существенно иной. Имелся огромный экспорт продовольствия, рост производства и производительности в сельском хозяйстве не отставал и даже обгонял рост населения, а рост промышленности был еще более быстрым. При этом технологически открывались огромные возможности для дальнейшего роста продуктивности сельского хозяйства и производительности аграрного труда (в виде кооперации, применения новых агрономических приемов, удобрений, машин и т. п.)²⁷. Колоссальные возможности открывались и частично реализовывались в плане превращения общинной (техно-

(включая ее часть – Египет) в XVII–XVIII вв., к Египту XIX в., она приложима неполностью (см., например: Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; Гринин 2007в; Гринин, Коротаев 2009а). Ниже мы еще частично коснемся этого вопроса.

²⁷ С 1908 по 1912 г. расходы на приобретение машин возросли в 2,5 раза – с 54 млн р. до 131 млн р. (Измествев 1990: 77).

логически менее производительной) собственности на землю в частно-надельную²⁸. Развитие промышленности и известные реформы могли вывести страну на другую траекторию развития. Вот почему наиболее разумные и умеренные реформаторы в России говорили о необходимости более рациональной перестройки крестьянского хозяйства.

Таким образом, необходимо различать две в чем-то похожие, но существенно различные модели, связанные с мальтузианской ловушкой. Первая – когда общество не в состоянии технологически разрешить мальтузианскую проблему; вторая – когда технологически она решаема, но в процессе ее разрешения возникают сильные социально-экономические диспропорции²⁹. Отсюда ситуацию в России надо рассматривать уже как **мальтузианско-марксову «ловушку»**, для выхода из которой нужен не только экономический подъем, но и социальное реформирование (см.: Гринин, Коротаев, Малков 2008: 81). В статье «Российская революция в свете теории модернизации» (в этом сборнике) мы давали характеристику этому типу ловушки. Пользуясь случаем, я хотел бы несколько развернуть эту концепцию.

1. Между моделями мальтузианской и мальтузианско-марксовой «ловушки», несомненно, имеется как сходство (в обоих случа-

²⁸ Ситуация несколько напоминала ситуацию в XVI в. в Англии, где выделение из общины и системы открытых полей вело к резкому росту производства. В Англии в XVI в. считали, что один огороженный акр стоит полутора (или больше) неогороженных (общинного). (Дмитриева 1990: 10). Хотя в ряде отношений (и, пожалуй, в целом) Россия существенно опережала Англию XVI – начала XVII в., но в некоторых смыслах она стояла на том же уровне, а где-то и отставала. Это касается, в частности, ситуации с общинным землевладением и законами против огораживаний, стремлением части крестьян выделиться; повышением производительности на огороженных землях и товарности, ростом стоимости земли, несмотря на рост цены аренды; стремительным ростом населения. Нечто похожее было и в России: цена на землю росла быстрее всего (в том числе и благодаря кредитам Крестьянского банка). В Англии были нередкими неурожайные годы, но отметим, что революция мало затронула крестьянство. В этом ее отличие от России. Кстати, в XVIII в. Англию называли «зернохранилищем Европы» (Галич 1986: 191 со ссылкой на: Vaigoch 1971: 30) при быстром росте населения, что вызывало сильные диспропорции в потреблении в период ранней индустриализации (отмечается большая разница в росте элиты и простонародья), а в конце XIX в. она стала основным импортером зерна.

²⁹ В: Гринин и др. 2009 нами приводится также вариант математической модели выхода из мальтузианской ловушки.

ях налицо быстрый рост населения, что создает сильное демографическое давление и как следствие малоземелье), так и существенное различие (в первом случае сельское хозяйство остается основным сектором, во втором – его роль постепенно уменьшается, а избыточное население может быть поглощено промышленностью).

2. Если справедлива идея, что выход из мальтузианской ловушки занял в целом три века (с XVI по XIX), то неудивительно, что мы видим эволюцию самой ловушки, в которой мальтузианская составляющая постоянно уменьшается, однако остается существенной, и появляются новые составляющие. Следовательно, есть смысл выделить и промежуточные модели (или, по крайней мере, одну такую модель).

3. Сначала мальтузианская ловушка может эволюционировать в то, что возможно назвать «мальтузианско-урбанистской ловушкой». Речь прежде всего идет уже о прединдустриальных обществах с высоким уровнем урбанизации и сложившейся буржуазией. В таких обществах еще нет настоящей промышленности, но уже есть примитивная ее стадия (в частности, в виде различных типов мануфактур), а главное – уровень урбанизации приблизился к определенному порогу, за которым совершенно необходимы существенные преобразования общества (а политическая элита не осознает этого³⁰), но с другой стороны, часть горожан, буржуазия и интеллигенция, выступают как передовой отряд общественной оппозиции. Наши исследования показывают, что наибольшая напряженность возникает у трансформирующихся (в том числе индустриализующихся) обществ с уровнем урбанизации от 10 % до 20–30 % (см.: Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаев 2009б)³¹.

Англия перед революцией 1640 г. также являет собой такой пример. Франция кануна Великой французской революции – еще один из таких примеров: вопросы о правах, налогах и прочем являются там главными, хотя предреволюционные голодные годы и создают мощный фон революции. В отличие от Франции в Англии

³⁰ Поэтому революции и идеологии часто носят именно такого рода характер, направленный на изменение политического и порой социального режима.

³¹ Наши исследования с А. В. Коротаевым также показали, что и в новейшей истории после Второй мировой войны именно страны с уровнем урбанизации от 10 до 25 % подвергаются наибольшей опасности внутренних конфликтов (Гринин, Коротаев 2009).

были сделаны большие успехи собственно в сельском хозяйстве, что, возможно, было одной из причин относительной инертности крестьянства в период революции.

4. Главное отличие политических кризисов и политических выступлений против власти в условиях мальтузианско-урбанистской ловушки (по сравнению с ситуацией в позднеаграрных сословных обществах) заключается в следующем: имеется стремление превратить выступление в общенациональное, придать ему ярко выраженный идеологический характер, изменить существующий строй (не просто совершить переворот, не просто добиться каких-то требований), создав при этом общенациональный орган власти. При этом ядром, первичной силой такого движения выступают высшие городские слои (частично, конечно, и контрэлиты или часть элиты, отстраненной от власти, но она в любом случае принимает новую идеологию). Иными словами, совершается типичная социальная революция³².

5. В ситуации, когда появляется фабричная промышленность и заметным слоем общества становится промышленный пролетариат, возникает уже новый тип ловушки: мальтузианско-марксова ловушка³³. Повторю, что, с одной стороны, в такого рода явлениях очень сильна составляющая демографического давления, которая в ряде стран проявляется (особенно в аграрном секторе) в зависимости от системы крестьянского хозяйствования малоземельем либо

³² По поводу социального состава революционно настроенных масс П. А. Сорокин (1992: 286) пишет: «...число групп, вовлеченных в революционное движение, особенно во времена великих революций, достаточно значительное. Эти группы крайне разношерстны и состоят из людей самых разных социальных позиций. Здесь можно увидеть и негодующего за прошлые унижения профессора, и обиженного редактором газетчика, и ущемленного знатью интеллектуала, и обанкротившегося банкира, и разорившегося аристократа, и голодающего рабочего, и разоблаченного авантюриста, и склонного к насилию преступника, а также душевно неуравновешенного, но готового к самопожертвованию идеалиста». Очевидно, что такое сочетание революционной смеси может быть только в крупных городах.

³³ При этом чем сильнее шла индустриализация, тем заметнее мальтузианско-марксова ловушка превращалась в типично Марксову (представляющую собой ситуацию непримиримой классовой борьбы), но постепенно выход определялся и из нее. Появление и рост так называемого оппортунизма и социального реформирования (трэд-юнионизма, рабочего законодательства и т. п.) в конце XIX – начале XX в. показал такой выход.

ростом арендной платы, либо ростом налогового пресса и попытками усилить феодальные повинности. Усиливающей составляющей могут служить временные (но трагические) эпизоды недородов и даже голода. Но, с другой стороны, в отличие от мальтузианской ловушки проблема перенаселения является не фатальной, а скорее социальной, поскольку: а) рост ВВП на душу населения не отстает или даже обгоняет рост населения; б) рост товарности в целом обгоняет рост населения, в результате чего урбанизация растет более быстрыми темпами, чем население в целом, усилия и капиталы направляются в наиболее доходные отрасли, что ведет к новому росту ВВП; в) уровень жизни каждого человека зависит не от количества земли, а от его денежных доходов, что позволяет усилить процессы социальной мобильности, диверсификации занятий населения, вовлечения населения в более активную жизнь; в целом поднимает уровень жизни.

6. Однако такая быстрая динамика экономики и миграций требует существенных трансформаций в политическом строе, правовой системе и прочем, а эти изменения могут существенно запаздывать. В результате возникают диспропорции, которые в зависимости от общества выражаются в том или ином раскладе сил, идеологии и прочем. Именно эта диспропорция (своего рода разность потенциалов) выступает как первичная причина революции. Мальтузианская составляющая является уже вторичной причиной, но в чем-то более глубокой, и в смысле того, что аграрный сектор является большим по численности, более фундаментальной (однако сама по себе она не способна привести к такого рода переворотам). Но мальтузианская составляющая здесь сама уже выступает не в прямом отношении как ситуация буквального физиологического голодания и балансирования на уровне голодной нормы (что и вообще в истории встречается не столь часто, как может представляться), а как поставщик социально взрывоопасного материала, особенно в виде большого числа молодежи, которая, собираясь в массы, является мощнейшей силой (см. об этом: Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаяев 2009б).

7. Марксова составляющая связана с диспропорцией в распределении выгод от быстрого экономического роста и с отсутствием социального законодательства, что делает работников порой бес-

помощными, а эксплуатацию – варварской³⁴, хотя ситуация экономического подъема заставляет хозяев идти на повышение зарплат и бояться всякого рода простоев. Однако в ситуации кризисов опасность социального взрыва нарастает. Возможность такой грубой марксовой ловушки неразрывно связана с мальтузианской составляющей, поскольку предприниматели черпают рабочую силу именно из этого кажущегося бездонным резерва и именно демографическое давление постоянно выбрасывает в города и на промыслы все новых работников, которые обычно не обладают квалификацией. Возникает диспропорция между спросом на квалифицированную рабочую силу и чрезмерным предложением неквалифицированной рабочей силы (обычно состоящей из молодых и социально активных людей). В результате наблюдается большой разрыв в доходах рабочих разных групп.

7. Был ли выход из мальтузианско-марксовой ловушки у России?

В развитие идеи различия между мальтузианской и мальтузианско-марксовой ловушками уместно задать следующий вопрос. Был ли у России приемлемый, некатастрофический выход из социально-демографического кризиса? Могло ли развитие ее экономики в конечном итоге дать такой выход, но страна сорвалась по причине неумения решать социальные вопросы? Или было фатально неизбежным, что рост населения раньше или позже втянет страну в катастрофу? Из контекста С. А. Нефедова следует, что катастрофа была неизбежной. Я уже говорил выше, что не согласен с таким ответом на поставленный вопрос. Замечу, однако, что революция сама по себе была более неизбежна, чем катастрофа, поскольку сама по себе революция в других условиях совсем необязательно должна была вести к катастрофе. Ведь не было никакой катастрофы в результате Первой русской революции. Напротив, страна получила мощный импульс к развитию. Таким образом, новая революция в других условиях вполне могла бы привести скорее к положительным, чем к отрицательным результатам, особенно если бы она за-

³⁴ В моей терминологии это полуэкономический тип отчуждения, отличающийся как от внеэкономического, типичного для аграрных обществ, так и от экономического, характерного для позднего капитализма и постиндустриального общества (Гринин 2003).

кончилась частичным поражением революционеров и определенными уступками власти (на мой взгляд, путь к конституционной монархии был бы для России оптимальным). Таким образом, хотя революция 1917 г. и не была случайностью, но ее исключительно трагические результаты во многом определялись все же особым стечением обстоятельств. Мало того, в меньшей степени, но и сама революция не была неизбежной, если бы удалось провести ряд необходимых изменений.

Могла ли Россия выйти из мальтузианско-марксовой ловушки? Да, могла, но для этого надо было перестроить общину, внедрить частную собственность в сельское хозяйство, каким-то образом ускорить перестройку помещичьего землевладения (которое уже и так менялось – частью земли просто продавались, частью поместья трансформировались в интенсивное хозяйство), перестроить государственную систему и систему образования. Сделать все это Россия теоретически могла, но для этого требовались иная элита, иная власть или хотя бы иные люди на вершине власти. Поэтому Б. Н. Миронов неправ, когда, критикуя оппонента, говорит: «Если все беды России происходили от фатально высокого естественного прироста населения, то пережитки крепостничества, политика правительства и другие социально-экономические факторы не должны иметь того большого значения, которое им придается. Если дело в политике власти, которая не смогла обеспечить адекватное развитие сельского хозяйства, то высокие темпы естественного прироста населения не могли стать решающим фактором революции, на чем настаивает С. А. Нефедов» (см.: Миронов 2009в: 115). Такая альтернатива неправомерна, поскольку обе группы причин усиливали друг друга, именно из-за такого взаимного усиления революционизирующих факторов катастрофа и произошла (плюс особые обстоятельства войны). Рост малоземелья, излишнего населения в деревне создавали горючий материал, который мог вспыхнуть при ситуации неудачного правления и/или неудачных внешних условий, хотя при более умелом и тонком управлении этого вполне могло бы не произойти. Подробнее мнение автора на эту проблему см. в моей статье в настоящем сборнике «Российская революция в свете теории модернизации».

В этом плане поучительно сравнить историю России и Египта в XIX–XX вв. В истории Египта в XIX – начале XX в. было несколь-

ко важных моментов, существенно сходных с развитием России, если рассматривать их в рамках демографически-структурной теории (см. подробнее: Гринин 2006). Население Египта за 100 с небольшим лет (с 1800 по 1907 гг.) увеличилось почти в 3 раза (с 3,5–4 до 11 млн чел.) и продолжало расти. Всего за 10 лет (с 1898 по 1907 гг.) оно увеличилось на 14 % (Panzac 1987; McCarthy 1976). Этот рост вполне сопоставим с ростом населения в России (если учесть расширение территории в России и стабильную территорию Египта). В конце XIX – начале XX в. перенаселение остро ощущалось и в Египте. Быстрый рост населения привел также к росту малоземелья и массовому обезземеливанию крестьянства (см.: Фридман 1973). И так же, как в России, в Египте в течение всего этого времени шла мощнейшая модернизация экономики и государства. Но в отличие от России там не было социальной революции и не произошло никакой катастрофы (была борьба за независимость от английской оккупации, вылившаяся в бурные события 1919 г.). История Египта второй половины XIX – начала XX в. (хотя это была восточная страна) не связана ни с голодовками, ни с эпидемиями, ни с катастрофическим уменьшением населения³⁵. Таким образом, тут мы наблюдаем ту важную особенность протекания исторических закономерностей, которая выражается в том, что сходные причины и даже сходные последствия этих причин (рост населения – демографическое давление – напряженность в обществе) не всегда вызывают сходную реакцию общества, а характер «ответа» существенно зависит как от исторических традиций и особенностей эпохи, так и от менталитета, качества государства и лидеров³⁶. Не в последнюю очередь благополучное развитие Египта было связано с английской оккупацией (после 1882 г.), которая создала более эффективную политическую систему и уделяла больше внимания экономическому развитию, чем власть в России.

³⁵ В первой половине XIX в. так же, как и в России, эпидемии привели к сильному уменьшению прироста населения и временами к сокращению населения в целом. Тут кстати заметить, что в Египте потери населения были гораздо более тяжелыми в процентном отношении, чем в России, эпидемии были неоднократными, хотя случались они в фазе роста, когда перенаселения еще не было, свободной земли было много, что также несколько идет вразрез с идеями структурно-демографической теории о том, что на этой фазе последствия эпидемий не столь тяжелые.

³⁶ Идея разных ответов, которые дают разные общества на сходные вызовы, была одной из любимых у А. Д. Тойнби (1991).

Библиография

- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. 1991 [1898].** *Россия. Энциклопедический словарь.* Л.: Лениздат.
- Галич З. Н. 1986.** К сравнительной характеристике базисных структур Европы и Азии в канун промышленной революции. В: Рейснер Л. И., Славный Б. И. (ред.). *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока* (с. 184–216). М.: Наука.
- Гринин Л. Е. 2003.** *Производительные силы и исторический процесс.* Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006.** Трансформация государственной системы Египта в XIX – начале XX в.: от развитого государства к зрелому. В: Логунов А. П. (ред.). *Египет, Ближний Восток и глобальный мир: сб. науч. статей* (с. 123–132). М.: Кранкэс.
- Гринин Л. Е. 2007а.** *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса.* М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007б.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому.* М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007в.** Политические процессы в Османском Египте XVI–XVIII вв. и теория развитого государства. *История и современность* 1: 38–84.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009а.** О некоторых особенностях социально-политического развития Османского Египта. *Восток* 1: 46–62.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009б.** Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *Политические исследования* 4: 34–52.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2008.** Математические модели социально-демографических циклов и выхода из «мальтузианской ловушки»: некоторые возможные направления дальнейшего развития. В: Малинецкий Г. Г., Коротаев А. В. (ред.). *Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов* (с. 78–117). М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2009.** История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. В: Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (отв. ред.), *О причинах Русской революции* (с. 368–427). М.: УРСС.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гусев В. А., Коротаев А. В. 2009.** Некоторые возможные направления развития теории социально-демографи-

- ческих циклов и математические модели выхода из «мальтузианской ловушки». В: Малков С. Ю., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (ред.). *История и Математика: процессы и модели* (с. 134–210). М.: URSS.
- Давыдов М. А. 2009.** Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX века. В: Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (отв. ред.), *О причинах Русской революции* (с. 225–278). М.: УРСС.
- Дмитриева О. В. 1990.** *Социально-экономическое развитие Англии в XVI в.* М.: Изд-во МГУ.
- Измествев Ю. В. 1990.** *Россия в XX веке. Исторический очерк, 1894–1964.* Нью-Йорк: Перекличка.
- Иоффе Я. А. 1972. (сост.).** *Мы и планета. Цифры, факты (справочник).* Изд. 3-е, доп. М.: Политиздат.
- Коротаев А. В. 2006.** *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции.* М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Кривошеин К. А. 1993.** Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М.: Московский рабочий.
- Ленин В. И. 1974 [1917].** *Полн. собр. соч.*: в 55 т. Т. 3. М.: Полит. лит-ра.
- Лященко П. И. 1956.** *История народного хозяйства СССР*: в 3 т. Т. 2. *Капитализм.* 4-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Миронов Б. Н. 2002.** «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: Питание, здоровье и рост населения в России второй половины XIX – начала XX века. *Отечественная история* 2: 30–43.
- Миронов Б. Н. 2003.** *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*: в 2 т. Т. 2. изд. 3-е. СПб.: Дм. Буланин.
- Миронов Б. Н. 2008.** Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? *Уральский исторический вестник* 3: 81–95.
- Миронов Б. Н. 2009а.** О чем говорит рост человека: возможности, состояние и перспективы исторической антропометрии для понимания динамики исторического процесса. В: Малков С. Ю., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (ред.). *История и Математика: процессы и модели* (с. 33–73). М.: URSS.
- Миронов Б. Н. 2009б.** Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? Доходы и повинности российского крестьянства в

- 1801–1914 гг. В: Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (отв. ред.), *О причинах Русской революции* (с. 61–111). М.: УРСС.
- Мионов Б. Н. 2009в.** Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить. В: Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (отв. ред.), *О причинах Русской революции* (с. 114–135). М.: УРСС.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века.* Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Нефедов С. А. 2007.** *Концепция демографических циклов.* Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Нефедов С. А. 2009.** О причинах Русской революции. В: Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (отв. ред.), *О причинах Русской революции* (с. 25–60). М.: УРСС.
- Салинз М. Д. 1999.** *Экономика каменного века.* М.: ОГИ.
- Сорокин П. А. 1992.** Социология революции. В: Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация. Общество* (с. 266–294). М.: Политиздат.
- Сорокин П. А. 1994.** Голод и идеология общества. В: Сорокин П. А. *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет* (с. 367–395). М.: Наука.
- Тойнби А. Дж. 1991.** *Постижение истории* / пер. с англ. М.: Прогресс.
- Токвиль А. де. 1997.** *Старый порядок и революция.* М.: Моск. филос. фонд.
- Толстой Л. Н. 1984.** Публицистические произведения 1886–1908 гг. В: Толстой Л. Н. *Собр. соч.*: в 22 т. Т. XVII.
- Треvelyян Дж. М. 1959.** *Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории.* М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Турчин П. В. 2009.** Причины революционного кризиса в России 1905–1917 гг. В: Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (отв. ред.), *О причинах Русской революции* (с. 170–175). М.: УРСС.
- Тюкавкин В. Г. 2001.** *Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа.* М.: Памятники исторической мысли.
- Фридман А. А. 1973.** *Египет 1882–1952 гг. Социально-экономическая структура деревни.* М.: Наука.
- Цирель С. В. 2009.** Почему в России произошла революция? В: Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (отв. ред.), *О причинах Русской революции* (с. 176–197). М.: УРСС.
- Черкасов П., Чернышевский Д. 1994.** *История императорской России от Петра Великого до Николая II.* М.: Международные отношения.

- Armengaud A. 1976.** Population in Europe 1700–1914. In Cipolla C. M. (ed.). *The Industrial Revolution. 1700–1914* (p. 22–76). London: Harvester.
- Artzrouni M., Komlos J. 1985.** Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41/3–4: 21–39.
- Bairoch P. 1971.** *Le tiers-monde dans l'impasse. Le démarrage économique du XVIIIe au XXe siècle*. Paris: Gallimard.
- Goldstone, J. 1988.** East and West in the Seventeenth Century: political crises in Stuart England, Ottoman Turkey and Ming China. *Comparative Studies in Society and History* 30: 103–142.
- Goldstone, J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.
- Komlos J., Artzrouni M. 1990.** Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies* 2: 269–287.
- Kögel T., Prskawetz A. 2001.** Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Economic Growth* 6: 337–357.
- McCarthy J. A. 1976.** Nineteenth Century Egyptian Population. *Middle Eastern Studies* 12/3: 1–39.
- Panzac D. 1987.** The Population of Egypt in the Nineteenth Century. *Asian and African Studies* 21: 11–32.
- Sahlins M. D. 1972.** *Stone Age Economics*. New York: Aldine de Gruyter.
- Steinmann G., Komlos J. 1998.** Population Growth and Economic Development in the Very Long Run: A Simulation Model of Three Revolutions. *Mathematical Social Sciences* 16: 49–63.
- Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. 1998.** A Model on the Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Population Economics* 11: 535–550.
- Wood J. W. 1998.** A Theory of Preindustrial Population Dynamics: Demography, Economy, and Well-Being in Malthusian Systems. *Current Anthropology* 39: 99–135.